

ТОЛЬКО что мы расположились в Нижнем на пароходе и уселись пить чай в рубке, как дверь в нее растворилась и стала входить процессия из господина лет сорока или сорока пяти с умными глазами на обыкновенном русском бородастом лице, его жены, гувернантки и шести детей, трех мальчиков 5—10 лет, девочки и двух полу-грудных детей с нянюшкой. Мы сначала пришли в ужас, предвидя «приятность» концертов и возни этой массы эмбрионов человечества. Мало-помалу мы завязали знакомство с главою этого семейства, знакомство паровозного характера. Но когда нам сказал кто-то, что это граф Л. Н. Толстой, автор «Войны и мира», то мы постарались сойтись с ним поближе... Это нам несколько удалось, так как в продолжении нашего путешествия до Самары мы успели с ним вдоволь наговориться.

Он вообще сделал на нас то же впечатление, какое мы составили о нем по его сочинениям. Это человек с поэтическим воззрением на жизнь, с детски доброю душою, но самобытный в своих понятиях, в складе своих мыслей, своеобразный несколько в их выражении. Выйдя из Казанского университета в артиллерию, он исключительно самому себе обязан своим образованием. Не учился и читал он не случайно, а имея всегда в виду разрешить себе недоумение по какому-нибудь вопросу, или собрать по нему запас знаний и материалов, необходимых ему для какой-нибудь цели... Сам он много испытал, должно быть, много видел, многому сочувствовал. Он привык вдумываться в явления жизни, но с своей точки зрения, отчасти художественной.

Жизнь в деревне он считает идеальной, говорил нам, что «благодаря бога» 17 лет не был в Петербурге. Он ехал в Самарское свое имение, которое купил в прошлом году. Это имение в глуши, в степи, без растительности, с искусственным прудом, который засох в прошлую бездождливую весну. Купил он это имение с целью доставить своим детям возможность провести свое детство и молодость, как он сам их провел, в глуши, в степи, вдали от городских соблазнов и, как говорит И. С. Аксаков, «в таком месте, куда

Мемуарная литература о Л. Толстом настолько огромна и так долгошно исследована, что надеяться сегодня на открытие значительных воспоминаний о нем вряд ли приходится. Тем не менее публикуемый ниже краткий мемуарный очерк представляет несомненный интерес правдой фактов, непосредственностью восприятия личности великого писателя, рядом существенных деталей его мировоззрения.

Взгляды «яснополянского мудреца» на искусство и назначение художника в изложении автора замечают представляются сегодня спорными, но они неотъемлемы от самобытной и сложной фигуры Толстого.

Несколько слов о мемуаристе. Михаил Алексеевич Веневитинов (1844—1901), племянник известного поэта, несколько лет служил чиновником особых поручений при воронежском губернаторе, в конце прошлого века был директором московского Румянцевского музея (основание будущей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина). Он оставил о себе добрую память как археолог и историк. Менее его знают как прозаика-очеркиста («Роман декабриста», 1885), композитора (сохранилось обширное собрание нот его музыкальных сочинений) и тем более поэта (сборник «Про былые», 1888).

Уместно заметить, что совместная паровозная поездка Веневитинова с Толстым и его семейством позже привела к полезным для писателя контактам. В 1878 году М. А. Веневитинов передал Л. Н. Толстому ценные материалы о декабристе А. И. Одоевском и ряд других документов, которые были использованы писателем в его незавершенном романе «Декабристы».

Остается сказать, что автограф предлагаемого отрывка из воспоминаний М. А. Веневитинова хранится в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

Михаил ВЕНЕВИТИНОВ

ПИСЬМА С ДОРОГИ

бы не достигали никакие политические и общественные волны житейского моря». Для этой-то цели, согласной с его теорией воспитания, изложенной в его яснополянских изданиях, он и купил имение в Самарской губернии, находя, что Ясная Поляна на шоссе, близ Тулы, не составляет достаточного лона природы.

Толстого нельзя причислить и приурочить ни к какой политической или литературной партии... Но зато он старается следить за движением жизни русской и интересуется им, по-видимому. Он много расспрашивал нас о Петербургском университете, о новейших явлениях в музыке, живописи. Самобытности его умственного развития и его, без сомнения, громадному таланту можно простить некоторые воззрения, отрывающиеся отсталостью. Толстой, например, стоит за классическое образование... Он настолько сознает пользу «классицизма», что, воспитывая сам своих детей, он недавно — в шесть

месяцев — выучился по-гречески до того, что понимает и читает Геродота, о котором часто упоминал в разговорах о русской истории. В музыке он, поклонник Бетховена, Моцарта, Гайдна, Шопена, не может понять той литературно-музыкальной войны, которая ведется теперь между молодыми музыкантами и Ларошем, обвиняет даже Серова в отсутствии мелодичности, но верит в Вагнера, называет Шумана подражателем...

Он говорил нам, что любит охоту, потому что во время ее человек бывает близок к природе, что бывает вообще, к сожалению, так редко. Несмотря на то, что весь паровоз знал о его присутствии, он старался сохранить свое инкогнито и ни разу не говорил о своих сочинениях. Эта скромность в нем вполне натуральна. В разговорах его прорывались некоторые излюбленные им выражения и обороты, напоминавшие нам о «Войне и мире», «Детстве» и проч. Так, он спросил у меня, люблю

ли я охоту? На мой отрицательный ответ он прибавил: «Как Вы, верно, любите детей. Я замечал, кто любит качать детей и возиться с ними, тот непременно не будет никогда страстным охотником. У меня есть один знакомый, который никогда не решает пойти на охоту. А детей он страстно любит. У него рука даже устроена как бы для того, чтобы держать и нянчить детей, — как будто чашечкой». Это почти описание руки Пьера в «Войне и мире». Дети его — славные мальчуганы, своим поведением, жизненностью, свободой так и отражают своего отца, никогда их не бранящего, автора произведений о детском быте. Зная хорошо по-немецки и по-французски, он с женою все время говорил по-русски и лишь изредка по-английски.

Одна из его литературных оценок очень поразила нас. Зашла речь о Тютчеве. «Это великий поэт в своих неополитических стихотворениях, — говорил нам Толстой. — Еще не решено, кто выше, — он или Пушкин. Куда он далее от Вяземского. Для этого — поэзия — средство достигнуть цели, а у Тютчева она — святая святых, которую он свято чтит и куда не пустит никого из недостойных».

В настоящее время Толстой пишет какой-то новый роман из современного быта. Но в то же время он занят изучением эпохи Петра Великого, из которой почерпнул сюжет для исторического романа. Он уже два раза начинал его и бросал, недовольный какой-то фальшью колорита, до верности которого старается дойти как будто инстинктивно. Вообще Толстой произвел на меня впечатление природы сильно одаренной, талантливо-индуктивной, самобытной, независимой, искренно-наивной...

В Казани он вышел с детьми на берег, не услышав в дороге свистка. Паровоз отчалил и прошел уже около версты. Вдруг графиня хватилась мужа, бросилась искать его на палубе, в каютах. Не найдя нигде, упростила капитана вернуться. Он согласился беспрекословно. «Надо быть или министром, или автором «Войны и мира», чтоб заслужить такую любезность...» — подумал я.

Публикация
Виктора КУЗНЕЦОВА,
кандидата
филологических наук

Лит. Россия, 1983, 9 сент.